

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1:316
ББК Ю 16

Маргарита Игоревна Варакина
кандидат философских наук,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: www.zabgu.ru

Формирование национальной идеи экологической культуры Китая

Статья посвящена исследованию формирования новой экологической культуры, которая способствует позитивному духовному преобразению личности. Анализ экологической культуры Китая показал, что в центре эколого-этической системы конфуцианства находится общественный человек, приверженец экологически морального поведения. Будущее Китая невозможно без устойчивого развития общества, где позитивные экологические императивы играют серьезнейшую роль. Показана роль китайского руководства в формировании новой радикальной и глобальной политики, предъявляющей новые требования к социальному мышлению, к проблемам экологического развития общества, к новой экологической стратегии. Выводы говорят о том, что посредством формирования экологической культуры может быть решена проблема выхода из экологического кризиса, т. к. экологическая культура вбирает в себя все материальные и духовные ценности, создаваемые человеком в процессе социоприродного взаимодействия.

Ключевые слова: экологическая культура, экологический императив, социоприродное взаимодействие, экологическое единение, экологические традиции, экологические принципы, экологическое развитие.

Margarita Igorevna Varakina
Candidate of Philosophy,
Trans-Baikal State University
(Chita, Russia), e-mail: www.zabgu.ru

The Formation of the National Idea of Chinese Ecological Culture

The article investigates the formation of a new environmental culture that promotes a positive spiritual transformation of the individual. The analysis of the ecological culture of China shows that in the center of the eco-ethical system of Confucianism is social man, follower of environmentally moral behavior. China's future is impossible without sustainable development of society, where positive environmental imperatives play a serious role. The paper shows the role of the Chinese leadership in the formation of a new radical and global policy that has new demands for social thinking, the problems of environmental development of society and the new environmental strategy. The findings suggest that the problem of getting out of the ecological crisis can be solved through the formation of ecological culture, as ecological culture absorbs all the material and spiritual values created by man in the process of socio-natural interactions.

Keywords: ecological culture, ecological imperative, socio-natural interaction, ecological unity, ecological traditions, ecological principles, environmental development.

Гармоничное будущее любой страны невозможно без экологической культуры общества как специфического способа оптимизации деятельности людей, имеющего целью гармонизацию отношений человека, общества с природой [6].

Многообразие и богатство экологической культуры требует глубокого и всестороннего изучения экологических традиций различных народов. В этой связи важное значение имеет анализ экологической культуры Китая, ориентированной на гуманный подход в решении экологических проблем. Говоря о культуре Китая, где экологическая культура занимает одно из важнейших мест, К. И. Шилин указывает на то, что китайская культура представляет собой фундаментальную основу для перехода от дисгармонично-катастрофичной современной реальности к гармоничному будущему Китая, России, мира» [11, с. 57].

Будущее Китая невозможно без нового осмысления компонентов экологической традиционной культуры, и на этой основе – формирования национальной идеи экологической культуры в новом модернизированном варианте, имеющей вышеуказанную цель. Однако процесс формирования такой культуры чрезвычайно сложен. Он включает в себя процессы социокультурной актуализации на основе познания и нравственного созидания человека как естественного природного звена в эволюции системы «человек – природа – общество». Именно эта проблема обсуждалась в 1990 г. в Китае на международной конференции, проводимой ЮНЕСКО.

На конференции поэтому было неоднократно отмечено, что поиск путей становления экологической культуры не может быть эффективен без обращения к традиционным философским учениям, а именно, к конфуцианской этике, в частности к провозглашаемым ею групповым ценностям, почитаемых истоками морали XXI в. Именно философская мысль аккумулирует варианты ответов на глобальные вопросы человеческой жизни о смерти и бессмертии, об абсолютных моральных ценностях и метафизическом устройстве мироздания, помогает в выборе стратегического пути устойчивого развития.

«Конфуцианцы делали акцент на групповых ценностях, считая их важнейшим средством и критерием воспитания идеальной личности. Конфуций призывал исходить из интересов народа. Мэн-цзы писал, что государство гибнет,

если все стремятся к индивидуальным ценностям, и процветает, если преобладает стремление к ценностям групповым, если господствует единство интересов. Если возникает конфликт индивидуальных и групповых ценностей, необходимо жертвовать первыми ради последних. Сюнь-цзы замечал, что человек, уступая быку в силе, а коню в резвости, тем не менее их превосходит, главным образом благодаря своей способности жить и действовать группой» [10, с. 23].

В конфуцианстве отношение человека к природе проявляется в опосредованном отношении людей друг к другу. Безнравственность в отношении к природе заключается в том, что, разрушая природную среду, человек наносит вред не только природе, но и другим людям, так как подрывает природную основу общественной жизни. Таким образом, этическое отношение людей друг к другу опосредовано отношением к природе. В центре эколого-этической системы конфуцианства – общественный человек, приверженец экологически морального поведения.

Анализируя отношения человека с обществом и природой в конфуцианстве, возможно предположить, что экологически моральное поведение, с точки зрения конфуцианцев, это не пассивно-созерцательное отношение человека к природе, а творчески-преобразующее, которое направлено на выявление производительных свойств вещества природы, их практическое использование и воспроизводство в качестве необходимого условия человеческой жизнедеятельности. Экологически моральное поведение определяется осознанным морально обоснованным воспитанием, которое, по мнению Конфуция и Лао-цзы, закладывалось в семье и зависело от социальных структур.

Между доктринами Конфуция и Лао-цзы существовали определённые различия, однако их нельзя назвать глубокими. «Китайская философия вообще не отличается стремлением к выработке точных понятий и законченных концепций. Эта проблема разрешилась наличием различных философских школ, каждая из которых находила своё место в системе целостной китайской культуры» [15, с. 18].

По мнению самих китайских учёных, «китайцы не придавали большого значения очевидным противоречиям между доктринами различных школ возможно потому, что на практике они убедились, что самое мудрое решение – более сложное и гибкое, чем может предложить любая доктрина» [13, с. 28].

И-Фу Цуань пишет, что в истории Китая следует видеть две культуры, различающиеся в экологических аспектах. Одна широко освещается в литературе и представлена в философии, поэзии и искусстве, но столь же реальна и другая культура – «горы, где вырублены леса, засорённые потоки, переполненные города и политические интриги» [15, с. 63]. «Средний» китаец, по мнению И-Фуцуня, не знал даосизма, а обыденная культура масс требовала приземлённого быта, практических культов и потребительского утилитаризма. В целом, китайское общество в процессе своего развития нанесло окружающей среде значительный вред.

Поэтому обращение официальной власти в Китае к философии конфуцианства, которое во времена правления Мао Цзэдуна объявлялось реакционным феодальным учением, оправдано в целях восстановления преемственности. Оно даёт ответ на возникающие проблемы китайского общества, в котором происходят глубокие перемены под влиянием реформ и открытой политики: идейно-политический вакуум, возникающий из-за дискредитации и девальвации социалистической идеологии и практического строительства социализма в других странах; возрастающее западное влияние; перспективы политического плюрализма как следствия экономической плюрализации; рост социальной напряжённости, падение авторитета власти, разрушение семейных связей и т. д.

Конфуцианство импонирует китайскому руководству именно тем, что позволяет сочетать рыночную экономику с доминирующей ролью государства в хозяйственной жизни и высокой социально-политической дисциплиной, централизмом, а также ориентирует на социальный мир, гармонию и экологическое единство с природой. В своём мироощущении китайцы ставят природу выше искусства и всегда стремятся подчеркнуть её естественную красоту, не навязывая ей при этом свою волю.

«Конфуцианство проповедует примат государства и общества над личностью, послушание властям, приоритет эколого-коллективистских ценностей, упорный труд, учёбу и культ знаний. Высшая добродетель – “сыновья почтительность и почитание старшего брата” (сяо ти) предусматривает перенесение норм внутрисемейных отношений на социальную общность в целом, основой управления которой служат “нормы благопристойности” и достижение устойчивости общественного по-

рядка и “доверия (линь) народа по отношению к государю и государству”. Они призывали научиться “управлять Поднебесной” в соответствии с естественным законом развития “дао”. А для этого необходимо было научиться управлять собой, соблюдая принципы “срединности”» [1, с. 199].

В воззрениях крупных китайских политических деятелей, сыгравших ключевую роль в выработке стратегии страны, особенно в той её части, где используется традиционная философия и политическая мысль, роль «конфуцианского пласта» особенно велика.

Принцип «пренебрежения выгодой», доводимый до абсурда, наносил многим императорским династиям заметный экономический и экологический ущерб. Для «социалистической духовной цивилизации» отрицание материальной стороны жизни уже неприемлемо. Поэтому долг и выгода должны прийти к единству, к разумному сочетанию «и» и «ли». Для этого Китаю необходимо было вырваться из культурной изоляции, где он оказался благодаря «великой пролетарской культурной революции», мобилизовать национальные и духовные ресурсы.

А для этого необходимо было, прежде всего, вернуть стране утраченное право на конфуцианское наследие. И Дэн Сяопин возвращает страну в Конфуцианский культурный пласт. И в этом ему должно было помочь обращение к идеалу Сяокан. Впервые о Сяокан как цели реформ – “достижении уровня средней зажиточности” до 2000 г. Дэн Сяопин заявил в 1979 г., вскоре после исторического III-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, внесшего существенные изменения в методы строительства социализма.

Эта установка, была затем закреплена в важных государственных и партийно-правительственных документах КНР в 80–90 гг. Что же касается проблемы сугубо конфуцианской преемственности, то можно связать трактовку Дэн Сяопина с трактовкой Мэн-цзы, где подробно расписана экономическая составляющая Сяокан, направленная на достижение благосостояния народа.

Именно с Сяокан Дэн Сяопина в общественно-политических кругах КНР возрос интерес к конфуцианству, активизировались научные разработки в этой области, о чём свидетельствовала и проведённая в Пекине международная конференция, посвящённая 2550-й годовщине со дня рождения Конфуция.

Важнейшей особенностью «социалистической духовной цивилизации» является то, что традиционный эколого-этический принцип вновь становится абсолютным критерием ценности. Ряд фундаментальных особенностей китайской цивилизации: «стремление к социальной гармонизации, дух созидательности, этническая гомогенность населения и высокая этническая сплоченность ханьцев, высокая адаптивность и способность к “перевариванию” иностранного опыта» [2, с. 127] – несомненно позитивно способствует созданию новой национальной духовной культуры.

Обращение китайского руководства в конце XX в. к конфуцианскому населению является составной частью более широкой и радикальной глобальной политики, состоящей в том, чтобы перевести на язык традиционной культуры и интегрировать в неё и во внепартийную идейно-политическую, экономическую и экологическую платформу, которая в целом для этого созрела.

Как полагают в Пекине, подобная комплексная стратегия вдохнет новую жизнь в КПК и возглавляемый ею режим, укрепит историко-культурную легитимность партии, философские основы её практической деятельности и политики, экономическую и социально-политическую стабильность, оздоровит морально-психологический климат общества, создаст мощный заслон его вестернизации.

Если пренебрежение материальной стороной жизни ведёт к падению нравов, а повышение материального благосостояния к повышению нравственного уровня как личности, так и общества, то излишний меркантилизм приводит к духовному обнищанию. В истории китайской мысли «и» (долг) стал одной из основных категорий, в которую различные философы вкладывали разное содержание. Но наиболее распространено толкование, которое давали ему конфуцианцы, считавшие, что «и» – это главное, что отличает человека от животного.

Чувство долга и принцип всеобщего равенства, очень долго существовавший в Китае, влиял на сознание нации, приучая народ бережно и рационально относиться к природным ресурсам. В Китае говорят: «мы едим зерно, выращенное нашими предками, и обрекаем наших потомков на бедную жизнь» [12, с. 7].

Потребность людей в высококачественной среде предостерегает их от неосознанного шага, влекущего за собой серьёзные экологиче-

ские последствия. Для ценностной ориентации китайской экологии характерно «выполнение долга, пренебрежение выгодой» [15, с. 8].

Слова ханьского философа Дун Чжуншу, что «добродетельный человек исправляет свои чувства, а не помышляет о выгоде, познаёт свой путь, а не считает заслуги» [5, с. 5], могут и сегодня считаться основой китайской системы экологических ценностей, где проблема равновесия человека и биосферы, проблема сохранения природы занимает основное место.

В контексте философии китайских учёных, в частности философии Чжуан-цзы, в человеке «как в свирели из бамбука, звучит сама природа, на которую человек откликается не намеренно, а как бы непроизвольно, точно эхо» [4, с. 217].

Социально-экологические взгляды, идеи и концепции философов древности становятся органической частью современной культуры и философии Китая, где в настоящее время рассматриваются многочисленные проблемы, выходящие за пределы абстрактной философской теории и непосредственно смыкающиеся с рыночной практикой бытия конфуцианской цивилизации. Современный духовный мир китайской цивилизации уже не является обособленно-замкнутым в своих принципах. Взаимовлияние культур ныне обретает новое качество, оказывая воздействие на процесс становления общих жизненных ориентаций людей, которые диктуются изменением условий их бытия. Новые приоритеты и ценностные установки, где культурно-экологическая традиция занимает одно из ведущих мест, предъявляют новые требования к социальному мышлению, что объективно подталкивает к переосмыслению самого феномена культуры в понятии современных тенденций социального и духовного прогресса китайской нации.

В настоящее время китайское руководство ведёт речь о месте и роли духовной сферы в достижении качественно нового состояния китайского общества, где экология Китая займёт достойное место. Принципиально важно, что все эти вопросы рассматриваются в Пекине не просто параллельно с главными, стратегическими задачами социально-экономического развития страны, а как их неотъемлемые аспекты. Это подчёркивает неразрывное единство культуры материальной и духовной, тесное взаимодействие различных факторов духовной жизни, пристальное внимание ко всем сферам жизни общества, к ценностным установкам экологического развития.

Как считает пекинское руководство, приоритеты новой радикальной и глобальной политики предъявляют новые требования к социальному мышлению, к проблемам экологического развития общества, к новой экологической стратегии, что обусловлено изменениями, охватившими китайское общество, процессами оптимизации отношений «человек и природа», углублением экономических, социально-политических связей, взаимозависимостей между природной средой и уровнем развития общества, единством закономерностей и тенденций научно-технического прогресса, формирующих образ жизни людей, их духовные ориентации, экологический императив.

Перед Пекинским руководством встало объективное требование: учитывать уязвимость природной среды, не допускать превышения её «пределов прочности», глубже вникать в суть свойственных ей сложных и взаимосвязанных явлений, не вступать в противоречие с естественными закономерностями, дабы не вызвать необратимых процессов. В современном Китае с экологическим императивом считаются не только те, чья деятельность носит хозяйственный характер, но и политические лидеры, от действия которых зависят способы разрешения как внутри локальных, так и международных проблем.

Конфуцианское наследие, неся в себе опыт прошлых поколений, ориентирует личность в системе исторических координат мировой цивилизации и вместе с тем помогает личности вырабатывать твёрдую гражданскую позицию, без чего не может функционировать развитое общество.

До нашего времени китайская культура просуществовала как непрерывная традиция несколько тысячелетий и позволила китайскому народу пережить многочисленные внутренние бедствия и вторжение извне, доказала свою состоятельность и ныне заслуживает того, чтобы её сохранить.

«Для китайского традиционного мышления характерен интуитивизм. В чувственной сфере китайская традиция пренебрегает наблюдением и опытом, в сфере рациональной отказывается от логического анализа. Для китайского менталитета традиционно несвойственно движение от опыта через анализ к абстракции, он стремится схватить сущность объекта познания посредством ощущения, действия и веры. Интуитивизм стал одной из при-

чин, задержавших развитие в Китае современной науки, но он же способствовал созданию уникальной эстетической системы» [14, с. 29].

Показав свою жизнеспособность, китайская культура продемонстрировала своё желание к информационному обмену с другими культурами. В настоящее время среди китайских исследователей растёт вера в конвергенцию двух культур – восточной и западной, где важное место займет гармонизация общества и природы.

По мнению А. К. Пушкова, Китай как центр политической силы «сознательно проводит политику отказа от каких бы то ни было союзов» [6, с. 12–25]; но, тем не менее, в целом во внешнем мире уже сложилось представление о предрасположенности Китая как государства и отдельного культурно-цивилизированного образования к сближению с другими цивилизациями.

Тенденция к многополярности мира требует от Пекинского руководства такой культурной политики, которая бы, охраняя, развивая и обогащая культурное наследие собственного народа, способствовала взаимодействию с различными мировыми культурами, в частности, взаимодействию с экологическими культурами, их синтезу, выявлению всего позитивного, использованию этого позитивного ядра для осмысления окружающей жизни.

Вполне возможно, что синтез экологических культур человеческой цивилизации, где китайская экологическая культура занимает не последнее место, станет серьёзным шагом на пути к преодолению экологической проблемы. Что касается конкретных мер в решении вопросов охраны окружающей среды, Китай открыто заявляет, что нуждается в международном сотрудничестве.

Ответственный работник Государственного управления по вопросам охраны окружающей среды Чжан Шиган заявил, что Китай будет поощрять участие международных финансовых организаций, правительств зарубежных стран и частных предприятий в экологической деятельности на территории Китая и, наряду с привлечением иностранных инвестиций, взаимодействовать передовые зарубежные технологии, оборудование и методы управления в целях обеспечения продолжительного и одновременного развития экономики, социальной сферы и природоохранной отрасли.

Как известно, Китай уже заключил с 27 странами мира более 30 двусторонних и

многосторонних соглашений или меморандумов об охране окружающей среды, подписал с 10 странами соглашения о сотрудничестве в области ядерной безопасности. Он присоединился к 20 международным конвенциям, включая конвенцию о сохранении многообразия живого мира, рамочную конвенцию ООН о климатических изменениях, Венскую конвенцию об охране озоновой сферы и т. д. Все это является серьезным стимулом для расширения международного сотрудничества КНР в области охраны окружающей среды. Начиная с 1988 г., Китай и зарубежные страны наметили более 100 проектов научно-технического сотрудничества в области охраны окружающей среды. Такое сотрудничество и обмены способствовали значительному повышению научно-технического уровня контроля за экологической средой в Китае [2, с. 120].

Следуя по пути комплексного реформирования Китая, руководство страны направляет главные усилия на подъём экономики страны, на создание наиболее благоприятных внутренних и внешних условий для социально-экономического развития в интересах своего народа, что невозможно без государственного регулирования решения проблемы взаимоотношений общества и природы. Пекин исходит из того, что стабильное и позитивное решение экологической проблемы является важнейшим фактором обеспечения безопасности в глобальном и региональном масштабах. Основные принципы этого решения строятся на здоровом рациональном фундаменте с учётом идеологического и культурного компонента.

За годы реформ Китай преодолел значительную дистанцию в направлении построения основ правового государства улучшением положения с правами человека, соблюдением интересов молодёжи, предпринимателей, верующих, нацменьшинств и т. д.; и никогда ещё в истории Китая национальная культурно-экологическая традиция не была предметом столь обстоятельного и глубокого изучения.

Экологические взгляды, идеи и концепции, став частью современной культуры, оказывают существенное воздействие на все стороны жизнедеятельности человека и общества. Вот почему, наряду с углублением и расширением политического диалога, перед Пекином стоит серьёзная цель – поднять на качественно новый уровень экологический аспект – составляющую всех сфер общественной жизни.

К середине 80-х гг. в китайском общественном сознании чётко обозначилось самостоятельное и мощное направление, ориентированное на разработку различных аспектов, проблем экологической культуры.

Восточные мыслители, как свидетельствует Н. И. Конрад, «не подчиняли человека природе, не противопоставляли и природу человеку; они видели в них две силы, сосуществующие в одной и той же сфере – сфере жизни; силы не только сосуществующие, но и взаимодействующие» [7, с. 312].

Будучи «моделью успешных экономических преобразований» [8, с. 32], современный Китай вплотную подходит к пониманию того, что для достаточно эффективной реализации экологических задач необходимо создание экологической культуры, т. к. человек, овладевший экологической культурой, формирует способность соизмерять свои существование и потребности с природными возможностями.

Задача сегодняшнего времени, стоящая перед китайскими учёными, – это, прежде всего, формирование глубокого целостного видения человека в его единстве с культурой и природой.

Необходимым условием такого видения является новая экологическая культура. В её основе лежит концепция гармонии человека и природы, зафиксированная в таких религиозно-философских учениях, как даосизм и конфуцианство, «порождении и воплощении всего духовного опыта предшествующей национальной цивилизации» [3, с. 59]. Идеи глобальной экологической этики, так необходимые сегодня человечеству, и имеющие фундаментальное значение для формирования новой экологической культуры, содержатся в философии конфуцианства. Ведущую роль в экологическом содержании конфуцианства играет концепция «совпадающее единство Неба и Человека», которая в функциональном плане выражается тезисами: «совпадающая мораль Неба и Человека “и” взаимный отклик Неба и Человека». При этом подразумевается, что конфуцианская «гуманность» и «любовь» распространяются и на природу, качество которой определяет будущее человека. По мнению Мэн-цзы, нравственная система структурируется из двух составляющих – экологической нравственности («любить всё сущее») и межличностной («добродетель к народу», «родственные отношения»).

Сюнь-цзы в труде «Сильное государство» развивает идею Мэн-цзы и определяет отношения между экологической и межличностной нравственностью как отношения «внешнего» и «внутреннего».

По мнению современных китайских исследователей, конфуцианцы, придавая перво-степенное значение межличностной нравственности, саму нравственность распространяли до космической «тьмы вещей» («до всего сущего»), формулируя при этом экологическую концепцию «любовь к вещам».

Больше того, Сюнь-цзы настаивал на введении политического института для управления природными ресурсами. По его мнению, только создание специальной охранной структуры «создаёт систему власти правителя», что может стать надёжным гарантом экологических «законов правителя». Поэтому традиционные концепции не устарели, они имеют прямое отношение к настоящему [12, с. 2–7].

В октябре 1994 г. в Пекине состоялась II международная конференция, посвященная конфуцианству, продемонстрировавшая возрастающий в КНР интерес к традиционному учению. В многочисленных материалах со-

временной печати, посвященных наследию Конфуция, также неоднократно утверждается, что будущее Китая зависит от того, удастся ли органично соединить модернизацию, рынок с конфуцианством. Конфуцианское учение во всём своём многообразии импонирует современному китайскому руководству тем, что позволяет сочетать рыночную экономику с доминирующей политической ролью государства в хозяйственной жизни и высокой социально-политической дисциплиной, централизмом в проведении экологической политики.

Нельзя сказать, что на данном этапе новая экологическая культура Китая уже сформирована и китайские учёные дают ей чёткое определение. Формирование экологической культуры – сложный и многоплановый процесс. Его необходимым условием является осознание социальной обусловленности человека и природы. Возможно, конфуцианство с его ярко выраженной социальной направленностью, выступит в качестве основной составляющей новой экологической культуры Китая, которая объединит в себе идеи и даосизма, и концепции современных западных и российских учёных.

Список литературы

1. Абрамова Н. А. Традиционная культура Китая и межкультурное взаимодействие (социально-философский аспект). Чита: ЧитГТУ, 1998. 258 с.
2. Абрамова Н. А., Варакина М. И. Экологические проблемы КНР: традиционный аспект и современность. Чита: ЧитГУ, 2004. 132 с.
3. Головачёва Л. И. Цивилизация, Конфуций и будущее Китая // Проблемы Дальнего Востока. М., 1996. № 1. С. 111–127.
4. Долин А. А. Наука жизни древних даосов // Проблемы Дальнего Востока. М., 1989. № 2. С. 209–218.
5. Завадская Е. В. Ци Бай-ши. М.: Искусство, 1982. 285 с.
6. Кобылянский В. А. Экологическая культура и проблемы образования // Экологическая культура современного общества: материалы междунар. симпозиума. Новосибирск, 2000. С. 42–59.
7. Конрад Н. И. Запад и Восток. М.: Наука, 1986. 910 с.
8. Портяков В. О. Опыт экономических реформ. Дэн Сяопин и политика реформ в Китае // Проблемы Дальнего Востока. М., 1994. № 6. С. 32–41.
9. Пушков А. К. Россия в новом миропорядке: рядом с Западом или сама по себе // Международная жизнь, 2000. № 10. С. 12–25.
10. Чэн Цзэнхунь. Создание морали XXI века и конфуцианская этика. Социальные и гуманитарные науки // Зарубежная литература. 1997. Вып. 3. С. 20–27.
11. Шилин К. И. Экософия постконфуцианства // Информационные материалы. М., 1997. С. 99–105.
12. Жу Дао. Чжихуэй юй дандай шэхуэй (Мудрость конфуцианства, даосизма и современное общество) / под ред. Гэ Жунцзиня. Бэйцзин, 1996. С. 2–7. Кит. яз.
13. Чжэн Фэн. Шэхуэйчжун цзиншэн веньмин цзяньшэ яньцзю цзуншу (Обобщение исследований стороительства социалистической духовной цивилизации) // Лилунь юй сяньдайхуа. 1997. № 8. С. 27–32.
14. Huang S. An Ancient Ethic Debate Revived Again: Mo versus Kung // J. of Chinese philosophy. Honolulu, 1983. Vol. 21. № 2. P. 6–18.
15. Yi-Fu Tuan. Op.cit. 105.

Статья поступила в редакцию 02.02.2012 г.